

Павел Мешков

Павел Мешков

Черный корректор

Роман

Москва, 2016
ЭАРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
М41

Художник
В. Федоров

Мешков П. В.

М41 Черный корректор: Фантастический роман.— М.:
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 313 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-2230-2

Драконам нельзя верить, с Драконами не стоит вести дела, от Драконов лучше держаться подальше. Но именно они сохраняют баланс между Той Стороной и Этой и всегда делают все за чужой счет. Возможно, иначе нельзя... Но почему счета выставляются обычным браконьерам с острова в дельте Волги? Астраханский портал практически находится под контролем — здесь врага знают в лицо.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Мешков П. В., 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2230-2

Своим мертвецам и скелетам в многочисленных шкафах посвящаю

Судьба — что яркая звезда.
Делами подправляем вектор.
Но подсказал бы кто — куда
Нас гонит призрачный корректор?

Пауль Бэг

ПРОЛОГ

В небе парили два дракона — черный и серый.

Они неспешно беседовали об очень важных делах. А куда, скажите на милость, спешить едва ли не вечным существам? Когда времени много, отношение к нему меняется, да и само время течет иначе. Другое дело — баланс материальных миров. Здесь нужен глаз да глаз!

Под драконами простирался остров в дельте древней реки.

— Вот они, — патетично заявил Черный Дракон. — Маленькие, но эффективные гири на весах судьбы! В сложнейшем механизме баланса меж мирами!

Серый, с сомнением вглядываясь в копошащиеся внизу существа, уточнил:

— Вся толпа?

— Нет, корову и кур я не считаю... И есть еще резерв. Тоже люди.

— И насколько ты уверен в эффективности? В докладной указано восемьдесят процентов, но я как-то...

— Восемьдесят процентов я указал для возможности достойного отступления. На самом деле — почти все сто, так как резерв повышает вероятность точного выбора.

— Интересный метод работы, — пробормотал Серый Дракон. — Единственное, что мне импонирует в твоих предложениях, Эрнер, — сроки.

— Да, сроки — моя гордость! Всего три местных года. Можно даже ускорить процесс, но обитатели этого мира шарахаются от любого непонятого им существа. Слишком чувствительны к проявлениям магии — магиопаты, я бы сказал. А здесь мне крупно повезло! У кандидатов есть нужная база:

образование, нестандартность мышления, широта восприятия. Акцентировать в докладе я не стал, но тебе скажу — основные фигуранты уже имеют закладку.

— Какую?

— Один — невидящий Провидец. Другой — интуитивный Ключник Милов. Третий — Мастер с печатью Проклятия.

— Не понял... Где ты их взял?

— Здесь, — ткнул когтем вниз Черный Дракон. — Работаем потихонечку...

— Теперь я понимаю твою уверенность в исходе. И понимаю, почему в серию тестов ты заложил огрехи своей предыдущей работы...

— Ну да! Эти должны справиться. Я им помогу...

— Не сомневаюсь. Но слишком сильно не дави. И не путай их во времени! «Короли приходят добровольно, делают то, что должно, и уходят в ореоле славы!» — процитировал Серый.

— Обижаете! Техническое задание я не забыл. Все будет естественно и исключительно на добровольной основе.

— Темнишь ты, Черный... В любом случае я предвижу некоторые трудности. Предлагаю тебе принять ответственность особых полномочий. В данном мире, конечно.

— Мне бы пораньше эти особые полномочия... — пробурчал Черный Дракон.

— Кто работает с меньшими ресурсами, должен понимать, что большие полномочия погубили бы дело, — заметил Серый.

— Разумеется, — вздохнул Черный.

— Я сообщу Совету о твоей работе и обязательно отмечу, что портал находится в непосредственной близости к событиям. А ты постарайся сообщать мне не только о своих победах. Действуй, Эрнер!

Серый Дракон сложил крылья и рухнул вниз, к воронке портала, а Черный задержался. Он немного потасовал гирьки, убедился в верности хода и сплел первую ситуацию.

Частное мнение (не глава!)

Наверное, следует сразу отметить, что Ямана — это не пригород Шамбалы и даже не один из тайных монастырей Шао-Линя. Да и расположение этого слабо населенного пун-

кта почти равноудалено от Японии, Кореи и Китая. Ямана — умирающая деревня, уютно устроившаяся на одноименном острове в дельте Волги. Еще в девяностом году прошлого века, когда наша семья приобрела здесь дом под летнюю дачу, у Яманы была надежда возродиться, пусть даже в качестве дачного поселка. Хотя подавляющее большинство ее жителей к тому времени уже переехало в районный центр — Камызяк, где, конечно, легче найти работу и прокормиться.

К середине девяностых годов в Ямане не набиралось и десятка домов, а обитаемых круглый год — вообще три-четыре. Лично я считаю, что именно умирание Яманы нарушило существовавший баланс сил и способствовало проявлению здесь аномальных явлений, а отнюдь не дядя Миша со своей легендарной лопатой. О причинах можно теперь спорить до хрипоты, но местные жители постепенно привыкли к происходящему, приспособились, а Та Сторона, приспособившись к местным жителям, поползла себе в разные стороны.

Сожалею, что не могу внятно и доступно для аудитории доложить об интеграции, скорости инвазии, тенденциях и девиации Той Стороны. Но знаю точно: она продемонстрировала удивительную, с моей точки зрения, способность форсировать водные рубежи. В том числе и так называемую «текучую воду», которая, как известно, является непреодолимым препятствием для разного рода мертвецов, духов, некоторых видов монстров и других порождений аномальных сил.

А еще как-то зимой недалеко от Яманы появился необычный волк. Несколько нападений на людей, целая толпа покусанных... А что он ест, спрашивается? И скотина явно не бешеная. Какой же это волк, не к ночи будет сказано!

В астраханской прессе было много публикаций такого рода, но никто пока не пытался систематизировать все имеющиеся факты. Что касается контактов с драконами и прочими тварями, то я сам могу привести с десяток случаев разной степени свежести и достоверности, но особого смысла в этом не вижу, так как заинтересованные люди и без того в курсе дел, а остальным все соответственно по фигу! Хоть с драконом их познакомь, хоть нон им на голову надень.

Можно принять за данность, что граница Той Стороны пролегает именно там, в Ямане, однако еще в год Кролика не один я видел драконов в небе над Астраханью. Да и в последующие новогодние праздники эти твари имели место быть в

различных обличьях. Понятное дело, что на нашей ферме драконы появились куда как раньше и в большем разнообразии...

Чтобы в дальнейшем верно воспринять и уяснить приводимые факты, требуется четко понимать определение слова «дракон». И не потому, что лично мне не ясна сущность дракона или меня посетила блажь навязать другим свое мнение. Дракон — он дракон и есть и им останется. Какого бы размера вы его себе ни представляли, какие бы способности ему ни приписывали, суть его не изменится — дракон НЕ ДОБРЫЙ. В лучшем случае он безразличен к окружающему миру. И хотя дракон вынужден тем или иным образом взаимодействовать с Этой Стороной, все негативные последствия контактов падают не на него.

Применить исследовательский метод для опознания и классификации драконов Яманы затруднительно из-за незрелости базы драконоведения. Тем более сами по себе драконы настолько отличаются друг от друга, что иногда не знаешь, что и думать.

На этом фоне нет никакого смысла выделять джиннов и гномов в какие-то особые группы. Характер у них самый что ни на есть драконий, делишки тоже те еще... А уж до чего порой схожи морды! Это я о драконах и джиннах...

Чтобы в дальнейшем не путаться во всех этих мелких и несущественных деталях, я предлагаю простое, элегантное и легко доказуемое определение:

«Дракон, вне зависимости от размеров и внешности, — это все, что летает (хотя бы недолго и низенько) и может испортить настроение или одежду».

Злопыхателям и противникам гениального определения предлагаю маленький тест.

Представьте себе, что вы идете по улице в новой норковой шапке или без нее — как вам будет угодно. Солнышко светит, душа радуется!.. А в небе над вами пролетает воробей. Настроение у воробья никуда не годится: он гороху переел и запил из грязной лужи. И вот этот самый воробей не промахнулся... Хлоп! И прямо вам на голову. Или на шапку. Со всеми проистекающими...

Если вы поумнее, то молча пожелаете воробью быстрого полета с закрытыми глазами до ближайшего столба и начнете оттираться.

Если поглупее, то будете орать, как недорезанный носорог, крыть в три наката воробья и его маму разными нехорошими словами, рискуя привлечь внимание птички и вызвать обиду. И воробей может вернуться... С друзьями. И у всех у них может быть плохое настроение...

А теперь быстро и не задумываясь ответьте: дракон этот воробей или не дракон?

Однако, по большому счету, нет особой разницы в том, кто вам испортил жизнь, одежду или куда-нибудь наложил кучу. Да и не всегда просто определить, дракон это, джинн или кто-то другой.

Кто-то может пытаться приписать мне особое пристрастие к драконам вообще и к драконам Яманы в частности. Помнится, как-то один оппонент из славного города Санкт-Петербурга даже нашел возможным обвинить хорошего меня в ЛЮБВИ к драконам. Так и написал: «А вы любите драконов!» Я вынужден с возмущением отрицать даже намек на какие-либо близкие отношения между мной и такими существами, как яманские или любые другие драконы.

Во-первых, зоофилией я не страдаю, да и другими формами извращений особо похвастаться не могу.

Во-вторых, считал и считаю драконов хотя и умными, но чрезвычайно опасными и злобными существами. Исследования показали, что это не их вина, но ответственность с них не снимается.

В-третьих, должен указать на непредсказуемость поведения и множественность обличей вышеназванных тварей. По крайней мере, в Астраханской области.

Последнее упомянуто к тому, что, когда ведете разговор с женщиной в моем городе, внимательно смотрите в ее глаза. Ей это может понравиться, а вам, возможно, спасет жизнь и здоровье, если сумеете вовремя подметить игру зрачков. В вертикальной плоскости...

Уверяю — существуют еще и «в-четвертых», и «в-пятых», и бесконечное «так далее», но причин рассматривать здесь все пункты, обосновывающие мою неприязнь к драконам, не вижу.

P.S. Козе понятно, что имена собственные здесь и далее изменены до полной неузнаваемости. Сделано это, как вы понимаете, не только в целях затруднения судебного преследова-

ния или сокрытия действительного местоположения портала Той Стороны. Не могу же я безнаказанно сообщить: «Эту волшебную летнюю ночь Коля Ч. провел у...» Или: «Олег Б., черт бы его побрал, приперся на фазенду очень рано утром...» Поэтому в скользких местах будет написано просто: «дядя Олег», «дядя Коля», «дядя Миша»... Без конкретного адреса.

И лишь один человек обозначен предельно реально. Но это дело очень личного характера, и означенного дракона я закопаю сам! По самую шею...

Год I

ЗВЕНЬЯ ЦЕПИ

Глава 1

НЕ РОЙ ЗАЧЕМ-ТО ЯМУ

— Вся поверхность Земли состоит из разных ям. Некоторые из них еще не выкопаны...

— Закопанная яма ямой быть не перестает. Она просто зарыта...

Из трактата дяди Миши «Ямы в нашей жизни»

В отличие от некоторых я исключительно далек от мысли обвинять во всем происходящем на фазенде лично дядю Мишу.

Вообще-то он мой родной брат. Но когда мы работали в кооперативе, то для удобства общения все стали называть друг друга «дядя Сережа», «дядя Саша», «дядя Коля»... Посетители и клиенты постоянно удивлялись:

— Вы что — родственники?

— Ага! — охотно соглашались мы. — По первородным грехам.

Уже и кооператив давно накрылся медным тазом, а обращение «дядя» прижилось, не умирает. Самое удивительное, что все, абсолютно все, даже подруги жены, именуют меня не иначе как «дядя Паша». И зараза имеет тенденцию к распространению... Но не об этом я хотел сказать.

Сейчас я ясно вижу: баланс между Этой и Той Стороной был нарушен чисто механически — с помощью банального рытья ям. Как пропустил нарушение Черный Дракон, лично мне наплевать. Жаль лишь, что отдуваться приходится не лично ему.

Ямы на даче в Ямане рыли все кому не лень. Мои дети копали гвоздями маленькие ямки и утверждали, что вот-вот докопаются до золота инков. С замечанием, что рыть надо глубже, они не спорили и рыли глубже, но до Южной Америки им было еще ой как далеко!

Сам я как-то выкопал довольно симпатичную ямку для столба. Но мне не очень понравилось. Мокрый весь, грязный... Да и столб, как оказалось, должен был стоять совсем в

другом месте. Хотя эта яма сильно пригодилась немного позже.

Куда лучше, при случае, рыл ямы дядя Олег. Но все это рытье выглядело чисто любительским занятием на фоне шедевров дяди Миши. Я его теперь и представить-то себе без лопаты в руках не могу, как Шварценеггера без шестиствольного пулемета «Вулкан». Конечно, дядя Миша не только рыл на даче ямы различного назначения, но вполне мог и огород вскопать. Однако вскопанное поле в дяди-Мишином исполнении все равно выглядело как большая яма. Только очень плоская.

Вот как-то утречком сижу я под навесом на даче, курю, комаров гоняю. Жду сигнала. Не к началу мобилизации, а обычного автомобильного сигнала с другой стороны реки. К нам ведь на дачу просто так не попадешь. Остров — он остров и есть. Участок суши, со всех сторон омываемый водами реки... Так что без лодки — никак. Оно, конечно, так намного лучше: чужие не шляют, а если кто из своих и привезет гостей на отдых, то непременно предупредит, представит их по всей форме, попросит, если что, в помощи не отказать, лодку дать. А чего не дать, если люди приличные? Лодок у нас три штуки — на любой цвет и вкус.

Но в этот раз на острове тихо было. Ближние соседи в Камызяк по делам укатили, а до Бороды, или, как его зовет дядя Миша, Деда, не из всякого миномета достанешь. Он чуть ли не на другом конце острова живет. Только коровы его, стервозы, бродят вокруг, о столбы заборные чешутся, устои малого сельхозпредпринимательства раскачивают. Не люблю я их. В смысле коров. То в огород ночью забредут, то яблоки сожрут, то кучу перед калиткой навалят, только под ноги гляди! А раз прямо на нос катера, на замок свежепереваренной травы наложили...

Вот сижу я, курю, жизнью наслаждаюсь. Слышу — сигналит кто-то. По звуку сигнала вроде как дядя Миша приехал. Взял я весла и пошел переправу налаживать.

На берег вышел, коров от лодок отпугнул, вижу, на другой стороне Яманишки дядя Миша рукой машет, а рядом с ним по берегу дядя Олег Белов скачет, орет что-то восторженно-невразумительное.

Переправился я к ним, поздоровался, спрашиваю:

— Ты чего это, дядя Миша, сразу в больницу не поехал? — а сам на дядю Олега киваю.

— А-а-а! — отмахнулся дядя Миша. — Он всю дорогу таковой... А тебя жена в город требует. День рождения у нее грядет, готовить мясо надо.

— А я думал, скромненько здесь на даче отметим...

— Скромненько не получится. Дядя Олег вот согласился ночь здесь перекантоваться, потом я — пару дней, а потом мы к тебе на праздник, а здесь дядя Сережа обещал посидеть. Так что собирайся, вечером уезжаем. Рыба есть?

— Ясное дело — есть! Куда ж она денется? Река аж кипит! Бери — не хочу!

— Я про холодильник...

— Есть, — успокоил я дядю Мишу. — А кто спрашивал?

— Да все! Никто пока еще не отказывался. Тебе, кстати, тоже надо. Лариса твоя очень интересовалась...

— Да хватит вам болтать! — завопил, выскочив из-за дерева, дядя Олег. — Грузимся по-быстрому и поехали!

— А ему можно доверять? — спросил я у дяди Миши, намекая на психическое здоровье дяди Олега. — Он со своей активностью весь остров вдребезги пополам разнесет!

— Зажрался ты здесь, дядя Паша! — укоризненно заявил дядя Олег. — Сидишь на острове: тишина, природа, свежий воздух! Ты в городе с мое проторчи — не так на природе заголосишь!

— Так это у тебя от свежего воздуха прибабах наступил! — догадался я. — Так ты, пока мы здесь, попроси дядю Мишу двигатель машины завести, отдышись у выхлопной трубы. Или закури, на худой конец.

Дядя Олег безнадежно махнул на меня рукой, схватил из багажника машины пару корзин и почти бегом потащил их к лодке. При переправе на остров он, едва не переворачивая лодку, раза три опускал лицо в воду и восхищенно бормотал: «Свобода!.. Кайф!..»

После традиционного чаепития дядя Миша отправился прилаживать к лопате новый, только что привезенный черенок, а дядя Олег приоткрыл свою сумку и показал мне горлышко бутылки, намекая на то, что шок от встречи с природой у него еще не прошел и требуется легкий допинг.

Дядя Миша водку не пил. Ему мешал автомобильный руль и какие-то принципы. А мы выпили. Как говорит Жванецкий, «по чуть-чуть, по слегка, буквально, чтобы солнце побыстрее взошло...».

— Смотри! — рассуждал дядя Олег, наливая водку в стаканы на уровень «два пальца». — Вот я, пользуясь принципом земного тяготения, наливаю ее, родимую, в стаканы. Тот же принцип при опрокидывании стакана позволяет водке попасть в желудок, а там уж сердце гонит ее прямехонько в мозги. Получается, что у дяди Миши принцип земного тяготения не действует?

— Ну, ты слишком уж упрощаешь! — не согласился я с дядей Олегом. — Принципов немного больше, нежели один. К тому же пользоваться ими можно очень даже по-разному. Где-то я об этом читал...

Мы не стали углубляться в зыбкую тему, тем более что дяде Олегу загорелось поставить в реку «что-нибудь посложнее удочки», как он выразился. Я заверил его в том, что упомянутая «сложность» давно уже находится в реке и исправно выполняет свои прямые обязанности. Но дядя Олег заупрямился. Ему хотелось внести лепту и тоже сунуть чего-нибудь в реку. От себя. Так что мы быстренько собрались, дядя Олег схватил в охапку весла, ведро, якоря и ящик, я — спиннинги, и мы пошли на берег.

Перед тем как оттолкнуть лодку от берега, дядя Олег вдруг спросил:

— А чего дядя Миша на пустыре за крольчатником делает?

— За крольчатником? Яму роет! — пошутил я. И не ошибся...

На рыбалке мы с дядей Олегом задержались несколько дольше, нежели рассчитывали. Как только мы разогнались поставить перемет на сомов, откуда ни возьмись появились вкуровские катера. И сверху, и снизу по реке — славные работники рыбоохраны ученья устроили. Пришлось все лишнее в кустах побросать, спиннинги наладить и добропорядочных рыбаков изображать. Правда, может быть, оно и к лучшему? Пока вкуровцы туда-сюда по реке елозили, мы у них на глазах на легкие блесны трех хороших жерехов взяли, штук шесть щук приличных и десятка два окуней. Так что, когда позже мы из сетки вытащили пару полудохлых красноперок, возник естественный вопрос: а стоило ли ту сетку вообще ставить? Столько возни, и риск опять же...

Рыбу, чтобы уснула, мы вывалили в ванну под навесом и отправились к дяде Мише: посмотреть, чего это он там за крольчатником делает.

Дядя Миша возвышался над уровнем земли по пояс. Спина лоснилась от пота, но видимых признаков утомления он не проявлял и продолжал ритмично выбрасывать землю из ямы размером примерно полтора на полтора метра. Чувствовалось, что все это не просто так и что дядя Миша решил дорыться как минимум до истины.

Стоя на краю ямы, дядя Олег задал дяде Мише вполне уместный вопрос:

— А на фи́га?

Дядя Миша прервал свое занятие, смахнул пот со лба и очень резонно ответил на японском языке:

— А осень хотца! — и, воткнув лопату в дно ямы, застыл в ожидании нашей реакции на произведенную работу.

Мы с дядей Олегом переглянулись, внимательно осмотрели яму и кивнули друг другу, признавая, что работа выполнена очень большая и в кратчайшие сроки.

— Офигеть! — откровенно признал я. — Мне бы так нипочем не суметь!

— Ясное дело! — согласился дядя Олег. — И все-таки — на фи́га?

Дядя Миша задумчиво почесал область макушки.

— Вообще-то это вон дядя Паша сказал, что надо колодец выкопать... — попытался он свалить на меня возникновение ямы.

— Да, — согласился я. — Сказал. Только я про сад говорил... Что колодец там копать надо. А это метров тридцать на юго-запад будет.

— Эх тебя течением снесло! — посочувствовал дядя Олег.

— Ничего-то вы в этом деле не понимаете! — пожалел нас дядя Миша. — Это пробный шурф, для выяснения глубины залегания водоносного слоя.

— Вон оно что!.. Для выяснения... — Дядя Олег, наклонившись, заглянул в яму, посмотрел в сторону сада и спросил: — А чего ты прямо на месте колодца все это дело не выяснил?

Дядя Миша наградил нас обоих долгим взглядом, полным жалости, взялся за черенок лопаты и поинтересовался:

— Вам что — делать нечего? Так пошли бы вы... — Он сделал паузу, чтобы мы успели осознать глубину посыла. — Чайничек поставили. А то зрать охота!

Скажу прямо: замечание было весьма своевременным и особой фантазии при выполнении не предусматривало. Вдвоем

мы с дядей Олегом довольно быстро управились и с рыбой, и с обедом. Дядя Олег отправился звать дядю Мишу за стол и, вернувшись обратно, на мой всеобъемлющий вопрос: «Ну?» — молча расположил открытую ладонь на уровне своих плеч:

— Во так будет!

— А вода? — не унимался я.

Дядя Олег, не опуская руки, сложил из пальцев не лишенный элегантности кукиш, скептически осмотрел и одобрительно кивнул:

— Во так будет!

Подошедший дядя Миша поллюбопытствовал:

— Чего это вы фигу разглядываете?

— Это не фигу, — возразил я. — Это эквивалент воды в прототипе колодца. Ты уже ниже уровня реки зарылся. Где вода?

Дядя Миша сокрушенно вздохнул:

— Ниже... Все это как-то очень таинственно... Тайна, в общем, покрытая мраком!

Он аккуратно поставил лопату в угол, стянул полотенце с веревки и сказал:

— Я ополоснусь, а вы ешьте пока без меня.

И он отправился в сторону душа, всем своим видом демонстрируя, что копать сегодня больше не намерен.

Попав вечером домой в город, по честности говоря, я позабыл обо всем на свете. А как же иначе? В ванной последствия двухнедельного дачного помыва отмочить надо? Принимая холодный душ в присутствии комаров, стесняешься и все делаешь очень торопливо, на скорую руку. И отнюдь не только в целях экономии воды. А тут лежишь, книгу читаешь, куришь... Жену надо за неделю, что не виделась, выслушать, детям раздать, кому что положено. Упаришься!

А с утречка мясо на сковородку и — вперед, к победе коммунизма! Главное что? Главное, чтобы мясо съедобным стало и, по возможности, какое-то время своих свойств не потеряло и не превратилось в слабительное. А то гости на лекарствах сэкономят. В общем, что на даче крутишься, как кули на рисовом поле, что дома у плиты, как старший помощник младшего поваренка, — разница не очень-то и большая!

Из-за всей этой беготни и трудовых подвигов мозги мои сильно уболтались, и, услышав в телефоне голос дяди Олега, я очень удивился:

— А ты чего в городе делаешь? Ты ж на даче быть должен!

— Долг свой я отбарабанил на границе с Ираном. Целиком и полностью. А что еще должен был, так кому раздал, кому простил. Вчистую, как в песне. На даче дядя Сережа остался на два дня. Я пост сдал, он его принял. Все очень просто. Дядю Сережу сменяет дядя Миша, а после этого дядя Сережа отвечает нас менять дядю Мишу... Ты меня слушаешь?

— Как-то все это запутано! — вздохнул я. — И сложно для моего гибкого ума... Мне-то когда теперь на дачу ехать?

— Что-то мозги у тебя совсем работать перестали. Семья, дети, психические перегрузки, магнитные поля?..

— Выхлопные газы и фон в телефоне! — оборвал я его. — У меня, в отличие от некоторых, дел полно! Как там на даче? Все в порядке?

— Да в общем-то... все вроде в порядке...

Что-то в голосе Олега мне не понравилось. Послышалась то ли неуверенность, то ли недоговоренность, и я слегка надавил на него:

— Ну, чего ты там сломал? Давай колись!

— Да ничего я не ломал! Если только по мелочи... Я знаешь что?.. Ночью погулять вышел... На звезды посмотреть, свежим воздухом подышать...

— Дядя Олег! — подбодрил я. — Давай не тяни, рожай быстрее!

— Ну, занесло меня к крольчатнику... Луна сейчас почти полная, видно хорошо... Трава, деревья... Картинка — обалдеть! Гляжу это я, над ямой, что дядя Миша соорудил, свечение, ровное, красновато-розовое, как от углей в мангале. Я фонарь ваш танковый с собой брал, включил его, повел по сторонам — никого. К яме подошел, воздух как будто сам светится, а дна у ямы не видать! Я опять фонарь включил. Дно на месте. Думал, вода там соберется... Ни фига! Сухо. И как-то нехорошо мне стало...

— Черти, маленькие такие, там по дну не бегали? — поинтересовался я.

— Ну вот! Еще один! — расстроился дядя Олег. — Черти там, может, где в уголке ямы и сидели. Не видел, врать не буду. Только когда я произведение дяди Миши фигурой из двух перекрещенных досок накрыл, свечение это враз осело! Не то чтобы совсем пропало, но за деревянный крест уже не поднималось...

До меня вдруг дошло — Олег ничего не сочиняет, не лепит горбатого, а действительно нечто непонятное видел там, над ямой... И главное, опасается того, что видел. Читай — боится.

— Ты дяде Мише и дяде Сереже сказал?

— Да сказал! Ты думаешь, они от тебя отличаются? Дядя Сережа сообщил, что приехал выспаться и отдохнуть от студентов-недоумков, а дядя Миша порекомендовал меньше водки жрать, а я без вас на ночь и вовсе не пил...

— Ты, в общем, это... — посоветовал я. — Не нервничай по пустякам. Завтра придешь — поговорим. Разберемся. И не опаздывай, как герцог. Лариса обидится...

Отгуляли мы неплохо, можно даже сказать — хорошо. Дядя Олег вначале был в небольшом напряге, а дядя Миша не в дело его «геенной огненной» подкалывал. В конце концов дядя Олег сообщил о том, что кто-то верит надписи «Осторожно! Окрашено!», а кто-то ей не верит. При этом вторые «кто-то» часто ходят с полосатой задницей. Но тут в спор вмешалась моя жена Лариса, и дядя Миша враз согласился, что краска может испачкать все, а дядя Олег был вынужден признать отсутствие в природе и какого-либо света над разными ямами, и заодно маленьких зеленых человечков.

В целом для меня осталось тайной только то, каким образом дядя Миша сменит на даче дядю Сережу, но ближе к концу празднования эта проблема перестала меня занимать...

Обратно на дачу нас вез дядя Сережа на своей машине — предмете моей не очень тихой и не совсем белой зависти. «Таврия» привлекала меня двумя достоинствами: маленькими размерами и похожестью на «Ладу», «восьмерку». На этом ее достоинства кончались, и начинался дядя Сережа. А он брался без особого напряжения назвать десять недостатков вышеупомянутой «Таврии». Таким образом, получал очередное подтверждение основополагающий мировой принцип: «На большую и светлую мечту всегда найдутся как минимум два оппонента, готовые в нее плюнуть». Второй оппонент определился сразу, стоило мне признаться в любви к дяди-Сережиному автомобилю.

— «Таврия» — машина действительно не фонтан. Объем маловат, — встрял с заднего сиденья Олег. — А тебе лучше «Ока» подойдет. У вас дизайн одинаковый.

— Ну, если вы оба такие умные, — попытался я оскорбиться, — то вам имеет смысл выйти из плохой машины и обсудить ее недостатки на свежем воздухе. А мы поедем дальше.

Как-то сразу выяснилось, что дядя Сережа в своей ненависти к личному автотранспорту еще не дошел до такой степени, чтобы идти пешком рядом с ним, а дядя Олег тут же заявил:

— А я что?.. Я как все! Вот еще бы ноги вытянуть, совсем хорошо было бы.

— Если тебе еще хотя бы чуток ноги вытянуть... — хохотнул я.

— Ты там смотри, поосторожнее вытягивайся! — предупредил дядя Сережа. — А то нам горячего не хватит.

— Это как это? — удивился дядя Олег. — Ты ж сказал, у тебя полный бак.

— Ну, если ты всю дорогу пятками тормозить будешь...

— А как тебе, дядя Сережа, спалось на даче? — со свойственным ему изяществом и непринужденностью изменил дядя Олег тему разговора.

— Замечательно! А если тебя интересует вопрос, не гуляю ли я по ночам вокруг дачи, так вот — нет! Ночью, по моему глубочайшему убеждению, надо спать. Лично я перед приемом у студентов зачетов и... — он вздрогнул всем телом, — брр!.. тем паче экзаменов сплю очень хорошо.

— После? — уточнил дядя Олег.

— Нет! Именно — до! — судорожно втянул в себя воздух дядя Сережа. — После экзаменов мне снятся кошмары... Снится, что меня черти в смоле варят за то, что я некоторым дебилам троек понаставил... Представляешь, дядя Паша, есть люди, которые знают математику еще хуже, чем ты.

— Да-а? — удивленно откликнулся я. — Видать, не перевелись еще на Руси богатыри!..

Дядя Миша встретил нас уже на этой стороне Яманишки. Пальцы на его правой руке были обмотаны лейкопластырем, но вопрос о причине Михаил проигнорировал. Выглядел он не то чтобы испуганным, а, точнее сказать, очень сдержанным. Сдержанно поздоровался, сдержанно слушал восторги дяди Олега о природе и чистоте воздуха и не менее сдержанно уступил дяде Олегу место за веслами. Иногда он даже улыбался, но как-то натянуто, и улыбку тут же стирала невидимая рука.

Уже на даче, на веранде, после замечания дяди Сережи о том, что надо бы пораньше быть в городе, и как раз перед тем

как уйти в дом собирать вещи, дядя Миша, неуверенно улыбаясь, сказал:

— Похоже, ты был прав, дядя Олег... Яму я зарыл...

Дядя Олег не ответил ни слова и, как только дядя Миша закрыл за собой дверь, ведущую в дом, быстро вышел на улицу.

Мы с дядей Сережей посмотрели друг на друга, и он спросил:

— Какая такая яма? Которая за крольчатником?

Я согласно кивнул:

— Хорошая была яма, — подумал и добавил: — В смысле глубокая.

Дядя Сережа вышел вслед за дядей Олегом, а я закурил, включил электрический чайник и начал расставлять кружки и бокалы для чая.

Дядя Олег и дядя Сережа вернулись минут через пять. Дядя Сережа периодически посмеивался, а дядя Олег, видимо, заразился задумчивостью дяди Миши. Во всяком случае, он достал из кармана сигареты и очень задумчиво сказал:

— Зарыл... Даже холмик, как на могилке, насыпал. — Мне от этих слов как-то слегка нехорошо сделалось, а он тихо продолжил: — Наличествуют опаленная почва, чужие следы и след волочения, ведущий к яме... Бывшей яме...

— Ерунда! — возмутился дядя Сережа. — Что же, вы решили, что дядя Миша грохнул кого-то и зарыл?

— Не исключено, — подтвердил я.

— Да и фиг бы с ним, если и зарыл... — неопределенно согласился со мной Олег и закурил.

Чайник сообщил о своей готовности, и я в гнетущем молчании принялся заваривать чай. Процесс этот не требовал работы всего моего необъятного головного мозга, а посему я напряг пару извилин, в плане разрешения скопившихся вокруг ямы странностей. Особых результатов я в этом деле не достиг, но одна из мыслей была достаточно проста — спросить у самого дяди Миши. Я позвал его пить чай и, когда он начал насыпать сахар в бокал, совершенно не заинтересованным тоном, обращаясь к окружающей нас среде, спросил:

— Так что там случилось с ямой?

Эффект был потрясающий! Дядя Миша рывком вышел из коматозного состояния, веером рассыпал сахар так, что досталось всем, сидящим за столом, и уронил саму сахарницу. Ее поймал дядя Сережа. Оно и понятно — он-то себе сахар еще не

положил! После этого дядя Миша сел на стул и позволил дяде Сереже налить чай. И здесь действия дяди Сережи можно было понять: получить вслед за сахаром кипятков на те же самые места — удовольствие ниже среднего.

— Кажись, кого-то здесь, особо трезвого, маленькие зелененькие чертики заколебали? — мстительно поинтересовался дядя Олег.

— Легко обижать больных людей, — укоризненно сказал дядя Сережа, помешивая ложечкой чай в стакане дяди Миши. — А вдруг у него лихорадка клещевая? Дядя Паша вон здесь же ее подцепил. Какие глюки ловил!.. — завистливо закончил он.

На мой профессиональный взгляд, вряд ли у дяди Миши имелась в наличии клещевая лихорадка, да и вообще какое-либо инфекционное заболевание. Скорее дело здесь было связано с психическими расстройствами в результате шока. Я едва успел это озвучить, как дядя Миша начал оживать.

Он уверенно протянул руку к бокалу, отхлебнул чай, прокашлялся и снова впал в задумчивость.

— Надо бы его другим методом... — начал было предлагать я, но дядя Сережа оборвал меня:

— Помолчи! Твои методы можно применять, только когда сахара много или больной уже того... Скончался.

— Сахар и чай я привез, — успокоил дядя Олег и заработал еще один укоризненный взгляд от дяди Сережи.

— Вас на пару хорошо на врагов сбрасывать. Без парашютов, но с рюкзакком взрывчатки.

Дядя Сережа повернулся к дяде Мише и тихим ровным голосом спросил:

— Дядя Миша, что случилось? Может, в больницу поедем?

В больницу дядя Миша не хотел. И еще он явно не желал быть зачисленным в списки сумасшедших. Он еще раз приложился к бокалу с чаем, снова прокашлялся и начал рассказ:

— Я уже спать собирался ложиться, телевизор выключил и за стеной шум услышал. Неясный такой... Как будто шаги, голоса. Ну, я быстренько арбалет дяди Паши со стены снял, взвел его, стрелу зарядил и еще одну в зубах зажал — запасную. Нож у меня на шее висел, ну и топор за голенище сапога сунул, для полного набора. Дверь тихонько открыл и во двор вышел.

Время около полуночи было, луна полная, хоть газету читай, но я почему-то пожалел, что фонарь не прихватил. Хотя

чем, интересно, я бы его держал... Слышу — шум со стороны то ли сада, то ли из-за крольчатника: разговор вроде приглушенный, потрескивание какое-то... И вонь! Слушай! Озон и еще какая-то тошниловка.

Я в тени сарайчика вдоль дома прошел, гляжу — около крольчатника хреновина странная торчит, как бы столб, в лунном свете переливается. Пригляделся, а у этого столба капюшон, как у кобры, и намыливается эта хрень нашей крольчатинной закусить. Сколько с этими кроликами все возились, а эта тварь... Обидно мне стало. «Ты, морда наглая!» — крикнул. Она ко мне свою морду и повернула...

Препротивнейшая рожа, скажу я вам. Куда там змеиной! Да и какая ж это кобра? Над травой метра на два торчит! Что уж там в траве оставалось — не знаю. Я и моргнуть не успел — башка у этого монстра засветилась голубым, и он как плюнет! Молния мне прямо под ноги ударила, аж жаром обдало! Я в ответ из арбалета...

— Со страха... — встрял дядя Олег. Он все никак не мог дяде Мише «маленьких чертиков» простить.

Но здесь дядя Миша повел себя на удивление покладисто. Он хлебнул чая, слабо улыбнулся и согласно кивнул:

— Со страха... По звуку слышу — попал! Удар глухой сразу после выстрела... А у гадины этой голова снова голубым мигать начала. Я и подумал, что сейчас опять плюнет молнией. Изогнулся, арбалет стреленем в землю упер и рукой свободной топор из-за голенища выхватил. Так, из положения «согнувшись», и швырнул его. Прямо в пасть попал! Полбашки так и снес!..

— Случайно... — опять влез в повествование дядя Олег.

— Случайно. Повезло просто, — согласился дядя Миша, чем окончательно добил дядю Олега.

Больше тот рассказ не комментировал.

— Когда топор в пасть этой гадины попал, искры сыпанули, и верхняя половина головы монстра на сторону откинулась. Почти сразу же глухой удар послышался и что-то вроде: «Ой!» Тут увидел я, что справа, из сада, ко мне какой-то мужик идет, руками машет. Я ногу в стремя арбалета сунул, тетиву оттянул до щелчка, а сам себе думаю, что мужик этот прямехонько в клубок из колючей проволоки ломится — я его бросил там до лучших времен... И, уже не торопясь, спокойно, стрелу на направляющие пристроил и крышку арбалета закрыл.

Всегда считал нашу советскую колючую проволоку лучшей в мире, а мужик через эту колючку перебрался и дальше идти намылился, но тут я его тормознул: «Стой, кто идет! — говорю. — Какого ночами по чужому саду бродишь?!» Мужик остановился, а из-за крольчатника второй выходит, за голову обеими руками держится, бормочет что-то. Я как-то сразу догадался, что это ему рикошетом топором досталось...

Дядя Миша посмотрел на дядю Олега и добавил:

— Повезло!.. Я шаг назад в тень сарая сделал, кричу: «Стоять всем по местам! А то, как монстра вашего, сделаю! Мало не покажется! Направо взвод, налево взвод, мой серединка!» А сам арбалет на того, что из сада вышел, нацелил. Если что, думаю, этого подстрелю слегка, чтобы не так шибко бегал, а второму по чердаку добавлю.

Но стрелять не пришлось. Мужик руки вперед вытянул, пустыми ладонями наружу, и каким-то странным голосом говорит: «Не стреляй, человек... Мы уходим... Не стреляй...» Сам бочком-бочком мимо крольчатника к напарнику пробрался, взял его под руку и отступать на пустырь начал. Там он нагнулся, что-то в траве дернул, и монстр этот шланговидный, с кастрюлей своей, набок перекошенной, упал... Забыл сказать... Торчал он все это время, как...

Дядя Миша в поисках нужного слова пошевелил перевязанными пальцами в воздухе, ничего подходящего там не обнаружил и продолжил свой рассказ:

— Начал мужик пятиться с друганом своим под ручку и, судя по звуку и шевелению травы, монстра за собой волок. Так они в свечение над ямой и ушли... Я из тени сарая высунулся, чтобы их с глаз не терять... Так что видел. Свечение только полыгнуло красным, и все — нет их...

А топор я утром нашел. Слегка обгоревший... И яму зарыл. Сунул в нее деревянный крест, который ты, дядя Олег, сделал, и зарыл. Еще соли пачку высыпал. Дядя Паша как-то говорил, что это против всякой нечисти помогает...

Дядя Миша допил чай и налил еще. Руки у него уже не дрожали, да и не выглядел он психом после ночной прогулки.

— Ты все это, случаем, не во сне видел? — осторожно поинтересовался я. — Знаешь, как оно бывает...

Дядя Миша хмыкнул, почему-то посмотрел на свои забинтованные пальцы, встал и сказал:

— Я сейчас.

— Ну вы, друзья, и шизуете тут! — восхищенно воскликнул дядя Сережа, как только дядя Миша вышел. — Галлюциногены, что ли, жрете? И не делитесь... Жмоты!

Дядя Миша вернулся с пластмассовым ведром. Едва он вошел, как по веранде распространился тонкий приторный запах. Озон и еще что-то...

— Меркаптан? — спросил я, и дядя Сережа, сморщив нос, неуверенно кивнул. Он заглянул в ведро, которое держал дядя Миша, и очень резко вскочил со стула с криком:

— Ты совсем, что ли?! Предупреждать же надо!

Вслед за дядей Сережей заглянули в ведро и мы с дядей Олегом. Правда, подготовленные реакцией Сергея, мы повели себя более спокойно. На дне ведра лежала голова. Точнее, верхняя половина головы с ощерившимися зубами, зеленая в мелкую желтую крапинку, какая-то вся складчатая и противная. Из левой глазницы торчал черенок арбалетной стрелы с оперением.

— Руками не трогайте! — предупредил дядя Миша. — Меня током долбануло, а от слизи ожог на коже остался...

— Ну и как насчет «галлюциногенов»? — спросил дядя Олег у дяди Сережи. — Лизнуть не желаешь?

Дядя Сережа еще раз заглянул в ведро, молитвенно сложил руки и сказал:

— Смирненно каюсь. Был не прав. У вас тут какая-то геопатогенная зона. Билеты можно продавать.

— Мысль хорошая, мы будем ее думать, — одобрил я. — Только весь смысл этой дачи в тишине, покое и отсутствии чужих. А если здесь болтаться будет кто ни попадя или толпа народа набегит... Смекаешь?

Дядя Сережа понятиливо кивнул:

— Ясен пень!

Поддержал меня и дядя Миша:

— Эт точно! Верно глаголешь. Кстати! — вдруг спохватился он. — Башка эта... Она как бы усыхает. Внешне не меняется, но раньше она все дно ведра занимала. Только зубы не того... Не испаряются.

— Ясное дело — сублимация! — блеснул я интеллектом и пообещал: — Будем наблюдать!

Дядя Олег отправился перевозить через Яманишку дядю Мишу и дядю Сережу, а я, выполняя обещание, уселся над ведром в позе «Мыслителя» Родена. Воняло из ведра премерзко, но именно желание избавиться от вони навело меня на очень

интересную мысль. Если верить древним грекам, да и мой собственный опыт говорит о том же, то именно вонь, грязь и отсутствие еды лучше всего стимулируют работу головного мозга.

Я вывалил обрубок башки на землю, устроил в маленькой ямке и по кругу присыпал песком. В сарае нашел кулек с гипсом, но мне показалось, что его маловато, и пришлось добавить песка и цемента. Раствор был готов как раз к приходу дяди Олега.

— Пытаешься сохранить улики? — спросил Олег.

— Избавляюсь от вонища, — поправил я и вылил получившийся раствор прямо на источник этой самой вони.

Кто догадался, что и для чего делалось, уже понял, какой результат я ожидал. Предчувствия меня не обманули. Форма получилась отменная. Зубы впаялись в раствор по своим местам, арбалетная стрела тоже не подкачала, а вот сама башка монстра испарилась, как не было! Все согласно с наблюдениями дяди Миши. Усохла и исчезла вместе со всеми выходящими... Так что, когда я заполнил гипсом образовавшуюся форму и разрушил оболочку, то получил вполне приличный слепок. Чуть только пришлось кое-где подмазать, кое-где скальпелем пройтись. По мне, так очень даже похоже получилось. Особенно если судить по первой реакции дяди Миши, когда он у меня в гостиной, на месте выключателя, этот слепок раскрашенным и отлакированным увидел.

Как он в сторону отпрыгнул! Куда там Ван Дамму!..

Глава 2 ДАР БОЖИЙ

Не путать с яичницей...

Автор

Ну и обломилось мне! Сразу за все: и за доброту, и за лень-матушку, и за это... как там дедок выразился? А... за веротерпимость! Короче: за все грехи разом! И если б только мне...

Как водится в больших и малых делах, проблемы на фазенде нарастали по восходящей линии. Вроде бы мелочи, но они цеплялись друг за друга и постепенно превращались в большие, полновесные неприятности. Хотя и приятности тоже имели место быть.

Весна в Ямане — время больших забот. Вместе с подъемом воды начинается ход рыбы, и меня эта чаша не минула. Как раз щука пошла. Здесь, в низах, ход рыбы — для кого возможность денег заработать, для кого водки попить вволю, а для меня — время детей, жену и стариков своих щучьей икрой побаловать да морозилку рыбой набить. А как же в город гостинчик не послать? Вот и крутишься с утра до ночи. Ноги болят, руки от холодной воды крочит, а остановиться невозможно — рыба, она ждать не будет. Бывают щуки больше метра. Такая «секрет» в ключья разнесет, ежели не уследишь. О сазанах вообще слов нет — лбы по пятнадцать-двадцать кэгэ! Эти с «секретом» в реку уйдут. Вот и проверяешься два-три раза в день.

А еще — рыбоохрана... Вот работка у людей! Носятся по реке на катерах, рыбу и браконьеров пугают. А по весне их еще какими-то иногородними бандитами «усиливают». С автоматами. Те вообще осетра от щуки отличить не могут, а чуть рот откроешь в свою защиту, враз туда калаш суют. Дикари, одним словом. Тут и Шварценеггер со Сталлоне на пару спеклись бы. А нам, грешным, только и остается, что в прятки со всей этой толпой играть: они на реке — мы в кустах, они в чакане, в засаде — мы по домам. Дуемся в «дурака» без карт и правил круглые сутки с переменным успехом. У них — шесть тузов на руках, и все козырные, у нас — червонец крестовый...

В тот день я аккуратно утром с реки возвратился. Рыбу в ванну пластмассовую вывалил, чтобы уснула, штаны резиновые снял и уселся перекурить. Встал я рано, но было похоже, что соседи мои проснулись еще раньше. Накануне они допоздна колобродили. Не дядя Ваня с дядей Колей, а по другую сторону. Там, в доме, что Женька вместе с нами купил, да потом забросил, семья татар поселилась самозахватом. С одной стороны, вроде бы Женьке хорошо — дом под присмотром, а с другой... Поговаривали, что они на руку нечисты. Да и то верно: что с других дворов пропадало, частенько у них обнаружить можно было. Сам я их за руку не ловил, а то бы оторвал, но что в голову не придет, когда в ванне мелкой щуки прорва, а «крупняка» с икрой нет совсем?

Дядя Ваня с дядей Колей в Камызяк по каким-то своим делам укатили. Во дворе Женькиного дома тоже никого не видно. То ли проживающие мою рыбу продавать уехали, то ли свою на водку обменяли и ужрались до полной тишины. На

острове только я да тезка мой, Борода, но до его дома вниз по реке пара километров будет.

И вот слышу я — у калитки покашливает кто-то. Не местный. Борода метров за десять-пятнадцать здороваться начинает и о здоровье осведомляется, а официальным лицам на мое здоровье плевать, да и торчать перед калиткой они не будут. Вломаются.

— Кто это там? — спрашиваю.

Тот, за калиткой, прокашлялся и говорит:

— Это я — Кыдыр. Можно войти?

— Входите, — говорю, — раз дело есть. Не заперто.

Калитка со скрипом приоткрылась и пропустила сухонького старичка с суковатой клюкой в руке, одетого в белую рубаху и широченные штаны. Казах или татарин, дед был седой как лунь, а приветливое лицо украшала жиденькая борода. Старик прикрыл калитку и вопросительно посмотрел на меня.

— Проходите под навес, садитесь. Чего у порога стоять?

Старик со вздохом облегчения опустился на скамью под навесом.

— Я спросить хотел... Соседи твои что-то дверь не открывают.

— Соседи? — не сразу понял я. — А! Эти... Может, сетки чистить поехали?... Или рыбу продать.

— Да нет! — как-то печально вздохнул дед. — Замка на двери нет, и заперто изнутри.

— Спят? Надо было стучать сильнее!

Хотел я добавить, что соседи небось спят как сурки, пережавшись как свиньи, но сдержался.

— Да стучал я! — махнул рукой дед. — Не открывают...

— С чего бы им прятаться? — спросил я и подумал, что точно ночью осетра взяли и теперь отрываются по полной программе. — А вы кто им будете? Родственник?

— Я? Да, родственник... Праздник сегодня. Вот я и зашел поздравить.

— Праздник? — нахмурился я. — Какой?

— Мусульманский, — улыбнулся старик. — Так что ты ничего особенного не пропустил. А водички попить у тебя не найдется?

— Как не найтись? Кипяченой, фильтрованной или... Может, праздник отметим? У меня малость есть. Пошли в дом...

— Нет! — твердо возразил дед. — Здесь у тебя хорошо. Ветерок... А водку пить мусульманам Аллах запретил. — Он опять улыбнулся. — Ты можешь отметить, если хочешь, а мне, пожалуйста, чистой воды.

— Без проблем! Шас будет! — пообещал я и пошел в дом. Здесь быстренько нацедил в кружку воды из-под фильтра — для деда, с треть стакана коньяка — для себя. И сигареты прихватил.

Старик с поклоном принял кружку с водой, приложился к ней и похвалил:

— Хороша вода!

— Естественно! — не стал возражать я. — С праздником!

Эту бутылку коньяка привезла в Яману моя жена. Отмечали кое-что. По чуть-чуть мы выпили, но жидкость оказалась если уж не самогоном, то и не коньяком вовсе. Так у меня бутылка и стояла за печью. Жена сказала, что пригодиться может, если ноги промочу. Но с тех пор мне не удавалось так сильно промочить ноги, чтобы потом в этой бурде их отмачивать.

Я поднял свой стакан, посмотрел коньяк на свет, вспомнил всех своих и мелкими глотками выцедил содержимое. Жидкость скользнула с языка в горло, мягкой теплой волной прошла где-то в груди, растеклась в желудке, оставив во рту густой вкус спелого винограда. Я оторопело заглянул в стакан. Поднял глаза на старика.

— Аллах велик! — сказал старик.

— И чудны дела Его! — подержал я и понюхал стакан. Пахло чертовски дорогим коньяком. — А вот интересно... — начал было я и замолчал, сделав вывод из короткого кивка старика, что в бутылке теперь содержится то же самое. Мысли в голове побежали быстрее, и я встал со скамейки, намереваясь проинспектировать содержимое бутылки.

— Да сядь ты! — махнул рукой старик. — Зачем в дом ходить? Давай я лучше тебе водички налью.

Он протянул ко мне кружку и почти до краев наполнил мой стакан кристально-прозрачной жидкостью. Я посмотрел в кружку деда, и мне показалось, что уровень жидкости в ней не очень-то уменьшился.

— Отданное с чистым сердцем приумножится и вернется благом к дающему!

С последними словами старика можно было бы и поспорить... Не так уж и давно любимая страна лихо вывернула мою

сберкнижку и превратила тысячу рублей в пять. Тоже рублей. Возможно, она их где-то там и приумножила, но вот отдавать не особо торопилась. Хотя моего согласия на этот фокус никто не спрашивал, и мне оставалось лишь восхищенно аплодировать. Но если дед верит в свои слова, то чего спорить? Только человека расстраивать.

Я посмотрел на стакан. Жидкость в нем прозрачно искрилась красно-коричневым цветом. Отхлебнул, довольно крякнул и поставил стакан на стол.

— До приезда жены не испортится? — осторожно спросил я.

— Если уж Создатель делает, то делает хорошо! — Старик вдруг помрачнел. — Только вот с людьми у Него вышло не очень... Вот, казалось бы, все Он вам дал, ан нет! Вам еще больше хочется! Все больше и больше! А уж кто нахапал так, что и удержать-то не может, никогда с ближним своим не поделится. Нет! Не чтут люди заповеди!..

— Это которых десять? — уточнил я, прикуривая. — Так по ним и прожить-то никак не возможно, — и тут же спохватился: — Или у мусульман другое число? Но ведь Бог-то един...

— Это ты верно сказал, — вздохнул старик. — Бог един! И Он никогда не призывал вас убивать друг друга. Ни в Коране, ни в Библии, ни где бы то ни было еще!.. А жить по заповедям Божьим нелегко... И здесь ты прав. Но Он просил вас не жить по заповедям, а всего лишь ПРИДЕРЖИВАТЬСЯ их и ЧТИТЬ. Живущие по заповедям становятся святыми. А это не каждому дано.

— Все люди разные, — глубокомысленно изрек я, прицеливаясь к стакану.

— Это вы становитесь разными, а при рождении все одинаковы. Ну да ладно! Если уж так происходит, то, значит, и это угодно Аллаху. А вот что бы ты хотел получить в этот праздник? Для себя?

— Как это? — Я чуть стакан не уронил от удивления. — Праздник-то вроде мусульманский?

— Шел я действительно к твоим соседям. — Старик скривился, как от зубной боли. — Но они украли твою рыбу, продали ее и теперь валяются пьяные в этот праздник. И ты сам сказал, что Бог един...

Разные мысли вихрем пронеслись в моей голове. Не скрою: превалировал чемодан с деньгами, но там же были

мысли о здоровье жены и детей и о том, чтобы всем гадам вокруг фигово стало. А поперек всему упорно лезла сказка о рыбе и рыбке в странной интерпретации, где старик, мой гость, был рыбкой...

— Ты только сильно не размахивайся! — рассмеялся старик, наблюдая за моими потугами. — Доллары я не печатаю. И здоровье вот так просто Аллах не дает. Да и желание только одно и только для тебя.

— А-а-а! Так мне-то ничего не надо.

— Так не бывает! — убежденно заявил старик. — Подумай!

Я подумал, что дед здорово меня заморочил. Да и коньяк ему помог. Кстати, я его и допил, не особенно задумываясь теперь, откуда он явился.

— Да все, кроме здоровья, вроде нормально... Еда в холодильнике есть, жир на пузе больше, чем на два пальца... Рыба — ловится...

— А хочешь, у тебя много рыбы будет?

— Не-а! И так руки болят, а я к тому ж еще и ленивый... Соседи все поворачивают... О! А можно узнать, не проверяясь, что в мои снасти крупная рыба попала?

— Ну вот! А говоришь: «Ничего не надо»!

Дед как будто прислушался к чему-то, огладил бороду и, подняв руки ладонями вверх, сказал:

— Аллах велик! Он все видит и поступает, как должно!

По мне, так в любой вере эти слова бесспорны, и возражать старику я не стал, только, когда он встал и собрался уходить, заметил:

— Ты бы, дед, к своим-то зашел... Может, проснулись уже?

— Нет.

И я услышал в его голосе какую-то странную печаль.

— В этот праздник Кыдыр может прийти к любому, но только один раз в жизни...

Я проводил старика до калитки и предложил перевезти его через реку, но он отрицательно покачал головой и ушел, тяжело опираясь на свою клюку.

Чтобы не терять время, я взялся превращать щук в филе. Хмель из головы начал выветриваться, и я сильно удивился, что все щучки в моей ванне как одна оказались икраные! Не то чтобы в них икры оказалось невпроворот, но вся она была крупная и чистая. Я пробил ее целую кастрюлю и посолил.

Настроение мое еще более изменилось, когда я обнаружил, что бутылка, в которой должна быть половина, полнехонька, как и обещал дед.

Странно все это было...

Ночью, а точнее уже под утро, мне стало как-то тесновато на кровати. Не то чтобы я стал задыхаться... Просто давит на кожу со всех сторон. Чувство дискомфорта, как сейчас говорят.

Помучился я минут пятнадцать и решил, что раз такое дело, то пора вставать. Чайку попил, перекурил и начал натягивать резиновые штаны с сапогами. Это было не так просто, и вышел я за рыбой как раз на заре. Добрел по пояс в воде до первого секрета, а там здоровущий сазан! Первый в году! Туда же еще пара-тройка лещей морских, черных затесалась. Как раз для коптилки. Им я тоже рад, но сазану — хоть оркестр вызывай! Едва не упустил, когда в садок, мешок сетчатый, его перегонял. Но все обошлось.

Настроение сразу, как хвост у скунса — вверх до упора! Бреду по пояс в воде, на палку опираюсь. За мной садок тянется, в реку уплыть хочет. Хорошо! Всю рыбу собрал, а в последнем, маленьком секретике — щука больше метра! Злобная, как голодный барбос, а зубы — что у хорошего кота. Попозже, во дворе, она дорвалась до сладкого: палец мне насквозь прокусила. Но и я в долгу не остался: башку ее высушил, лаком покрыл, и теперь она на стене висит среди прочих врагов.

И думайте что хотите, но в тот раз я эту простейшую комбинацию из трех пальцев связать не сумел. Я имею в виду рыбу, плохое самочувствие и старика Кыдыра... Вроде бы и положительный момент, но с какого перепуга именно здесь и именно сейчас?

К приезду жены на выходные я готовился тщательно. Двоем и сетку поставить куда как легче, а можно и кое-что посерьезнее кинуть в реку. Якоря, веревки и всякая мелкая лабуда — они времени ой как много занимают! Так что я загодя все приготовил, и только-только дядя Миша на машине в город укатил, как я к жене, чтобы опередить ее:

— Отдыхать приехали-с? Пожалуйте-с в лодку, на весла...

Управилась мы быстро. Снасть кинули, натянули, я ее малость настроил. Еще и сетку по пути поставили, и рыбу с секретов собрали. Пока я рыбу солил и разделявал, жена на стол собрала. Ужинать сели. Правда, перед ужином моя благовер-

ная опять шею мне намылила — за прокушенный шукой палец. Если верить жене, то шука кругом была права, а я, дурень несчастный, рисковал остаться без пальца на руке, причем по самые тазовые кости. Так что перед ужином я подвергся пытке посредством осмотра, озеленения и бинтования пальца.

Жена привезла бутылку вполне приличного вина, и я решил до поры до времени с коньяком в винный ряд не соваться.

Ужин протекал в теплой дружественной обстановке. Жена упорно потчевала меня мясными деликатесами, а я ее соответственно рыбными. Лещ горячего копчения — вещь, конечно, изумительная, но уже через неделю рыбной диеты на сосиски «Губернаторские» смотришь как на пищу богов. И тебя особо не занимает вопрос, чего там в них напихали: самого губернатора или его замов.

Как и следовало ожидать, первой сломалась жена. Она встала из-за стола, вымыла руки и заявила, что столько есть нельзя, что она будет спать до обеда, и выразила бурную радость по поводу отсутствия на острове телефонной связи. В ответ на мой намек о причинах гибели мамонтов моя половина сообщила, что на мамонтах никогда не пахали, как пахут на ней, и что, по ее сведениям, мамонты передохли от недосыпания из-за волосатых недоумков, которые гоняли бедных животных по тундре.

Возразить на столь научно обоснованное заявление было абсолютно нечего, поэтому я посвятил остаток вечера чтению относительно свежих газет, прерываясь только для пожирания очередного куска полукопченой колбасы. Информацию я запивал вином из бутылки, и проделано это мной было неоднократно.

Ближе к полуночи бутылка опустела, и я от удивления решил лечь спать.

А проснулся в четыре утра. С минутами. Но не оттого, что вино прошло насквозь и пыталось покинуть организм, хотя данный элемент тоже имел место. Разбудила меня острая боль в области шеи. Сделав резонное заключение, что шею я отлежал, подвывая и растирая рукой холку, отправился на веранду. Здесь меня посетила резкая боль в боку и почти тотчас в колене. И пошло-поехало колоть то туда, то сюда.

Понимая, что отлежать все тело разом невозможно, я решил бороться с ним посредством анальгина. Проглотил две таблетки и уселся на стул в ожидании эффекта.

Но моя возня разбудила жену. Бегло осмотрев меня и стол, она с ходу выставила диагноз:

— Пить меньше надо!

— Да чего я там особенного выпил... — начал оправдываться я, и тут меня осенило: — Точно! Вино было отравлено! Наверное, солями таллия. Сейчас у меня все отнимется, а потом наступит паралич дыхания... Бутылку не выбрасывай! Она будет нужна ментам для анализов...

— Надеюсь, что первым у тебя отнимется язык! — влезла в рассуждения жена и принялась массировать мне шею.

— Зря ты так! — попытался я урезонить супругу между своими стонами. — Умный следователь враз заподозрит тебя.

— С чего бы это?

— Ну как же! Ты ж богатой вдовой стать должна!

— У тебя что — дача на Канарах?

— Нет! Но следователь об этом не знает... Ой! Больно же! Знаешь, сколько сейчас дают за издевательство над бессловесной скотиной?

— За тебя только награду получить можно. Медаль, а то и орден!

При слове «награда» у меня в голове что-то тихонько шелкнуло и перед глазами мелькнул образ улыбающегося старика Кыдыра. А еще в голову пришли кое-какие мысли. И они мне не понравились.

— Ты чего замолк? — как сквозь вату услышал я голос жены. — Уже язык отнялся и тело холодеет?

Женаты мы довольно давно, так что жене достаточно было заглянуть в мои глаза, чтобы придвинуть сигареты и спросить:

— Сам расскажешь или еще шею намять?

Я закурил и, конечно, все рассказал: и про коньяк, и про соседей, и про старика. Коньяк в отличие от остального даже предьявил. Жена недоверчиво понюхала, откушала и уверенно сказала:

— Все неприятности в жизни — от пьянки!

— Да! — вяло поддержал ее я. — И многие приятности — от нее же...

— Помолчал бы уж! — сверкнула глазами жена и тут же, без переходов, принялась меня жалеть: — Ну все напасти к тебе липнут! Все еще болит?

— Да так себе... — Я потрогал бок и слегка покрутил шеей. — Боль притупилась. А вот если коньяка... — начал я с

энтузиазмом, посмотрел на супругу и продолжил: — ...на большие места намазать?

— Тогда ты точно остаток ночи, как Пакемон, вылизываться будешь! Только ты не кот, не все достанешь. Спать ложись!

Когда я улечся, жена, прикрывая мне шею одеялом, тихо сказала:

— Если завтра на снасти окажется рыба, сними ты ее от греха подальше.

— Кого? — уточнил я. — Рыбу? Обязательно!

— Снасть... — еще услышал я и провалился в глубокий сон.

Утро выдалось туманное, но светлое. По всему было видно, что туман скоро поднимется вверх или его развеет ветер. Мы немного постояли у дебаркадера, реку послушали, я перекуррил и размотал веревку «кошки».

— Может, все-таки сразу снимем? — уже который раз за утро спросила жена.

— Ты ж сама говоришь, что там рыба! Как я тебе снасть с рыбой выдерну? — возразил я, потирая шею. Утром, втихаря от жены, я добавил анальгина и теперь чувствовал себя, не в пример ночи, лучше.

— Ну, значит, как снимем рыбу... — настаивала жена.

Вот в этом между нами основная разница, и именно поэтому я называю себя «слабо верующим». Жена, складывая два и два, твердо знает, что получится четыре. И в дальнейшем свято в это верит. А меня вечно гложут сомнения... Думаете, мне не хотелось, чтобы на снасти оказалась рыба? Шаз! Какой идиот поедет проверяться просто так, чтоб проветриться? Но всегда страшно испугнуть удачу.

— Да нет там ни черта! — возмутился я. — Сейчас сама убедись! Давай, пошли потихоньку...

Ну, это я лишка хватил! На весенней Волге «потихоньку» не получится. Жена толкнулась веслами, и нас мгновенно подхватило течение. Я опустил в воду «кошку» и не очень-то ошибся в месте, где веревка натянулась как струна и остановила лодку. Лежа на носу лодки, я кое-как подтянулся к снасти. Немного колело в боку, но, взявшись за снасть, я про него моментально забыл.

— Есть! — сообщил я жене и начал быстро перебираться по снасти в сторону берега. Именно там ощущалась тяжесть рыбы и ее медленные мощные рывки.

— Где? — попыталась повернуться сидящая на веслах жена.

— Сиди! Перевернешь! — громким шепотом шикнул я.

Жена у меня молодец! Враз затихла. Она хорошо понимает, что это в операционной она король, а здесь, в лодке, ведущий хирург — я.

— Вот она! — выдохнул я. — Смотри! Осетр.

Это у нас стало доброй традицией. В смысле — показывать рыбу. Даже когда жереха на блесну ловлю. Во-первых, это лишнее доказательство, что рыба была «во какая!», а во-вторых — предупреждает неожиданные прыжки к борту с целью увидеть рыбу и риском перевернуть лодку.

— Господи! Здоровая какая! — оценила жена. — А мы ее сможем взять?

— Щас проверим, — заверил я. — Следи за рекой!

Я придвинул к себе поближе киянку, она у меня в лодке заменяла чакушу. Видимо, почувствовав мои намерения, осетр слабо шевельнулся, и шумный бурун унесло течение вниз по реке. У меня резко кольнуло в бок, но я постарался не обращать на это внимания.

Все совпало, и выходило, что жена опять была права. Осетрина попалась на три крючка: один вошел прямо за первой спинной жучкой, второй — в бок, а последний держал хвост. Все, как у меня. Удружил, в общем, Кыдыр!

Подтянувшись по снасти вплотную к рыбе, я взял чакушу и со всей дури хрястнул осетра по затылку. Аж в глазах потемнело! Но тут я — как мне кажется, вполне законно — возмутился против небес:

— Мы так не договаривались! — имея в виду, что смерть вместе с рыбой в комплекс обещанных услуг не входила.

Там, наверху, видимо, тоже поняли, что палку-то слегка перегнули. В глазах прояснилось, бок, колено и шею отпустило, и, что особенно приятно, снасть я удержал. Хотя рывок в ответ на мое «махалово» был вполне приличный.

Еще пару раз, для уверенности, очакушив осетра, я подтянулся и принялся обвязывать рыбу веревочной петлей под култуки. «Култуками» у нас, в низовьях Волги, называют передние грудные плавники красной рыбы. Но их же можно называть как-нибудь иначе. Например, сообщить на всю Россию: «Вот я держу осетра за уши!»

Убедившись, что «уши» привязаны надежно, а осетр не очень-то рыпается, я аккуратно отцепил крючки и скомандовал:

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Пролог</i>	5
Год I. ЗВЕНЬЯ ЦЕПИ	11
Год II. ДРАКОНЫ ЯМАНЫ	160
<i>Эпилог</i>	311